

Н. Ю. Фанян (Краснодар, Россия)

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПРЯМЫХ В ПРОСТРАНСТВЕ АНАЛИЗА ДИСКУРСА:
КАКИМ КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ АППАРАТОМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ?**

В статье делается попытка систематизировать положения некоторых концепций, представляющих антропоцентрический подход: теории речевых актов, теории речевых жанров, теории текста / дискурса. Проводится параллель между ними, что позволяет найти точки пересечения. Показывается, что сопряжение параллелизма и пересечения представляет проблему с точки зрения использования понятийного аппарата. Предлагается предварительное определение «проблемной ситуации».

Ключевые слова: теория речевых актов, теория речевых жанров, теория текста / дискурса, классификация, проблемная ситуация.

NELLY Y. FANYAN (KRASNODAR, RUSSIA). CROSS POINTS IN DISCOURSE ANALYSIS: WHAT CONCEPTS ARE TO BE USED? The article attempts at classifying the key points of a number of theories: the Speech Act theory, the Speech Genres theory, text analysis and discourse analysis. The author draws a parallel between them to find a point of intersection. It appears that parallel and intersection combination posits terminological problems. The author suggests preliminary solution for this problematic situation.

Keywords: Speech Act theory, Speech Genres theory, text analysis, discourse analysis, classification, problematic situation

1. Плюрализм мнений. В начале прошлого столетия Дж. С. Милль писал о плюрализме мнений, воплощающем в себе свободу мышления, как о необходимом условии истины, подчеркивая при этом, что догмат в научном образовании несовместим с гуманистическим мировоззрением.

Теоретический плюрализм современного междисциплинарного гуманитарного знания, расширяя поле филологических, лингвистических изысканий, вместе с тем создаёт определённые неудобства в той части теории, где необходимы дефиниции.

К примеру, обратимся к проблеме классификаций, терминологического обозначения понятий, теоретического объяснения одних и тех же языковых явлений. Так, одно и то же слово по-

разному представлено в разных словарях, что *a priori* указывает на его потенциальную вариативность. Далее, одно и то же грамматическое явление по-разному интерпретируется в диахронии (к примеру, вопрос относительно классификации наклонений, что привело к спору среди лингвистов о существовании категории наклонения во французском языке).

Подобное положение дел указывает на лингвистические поиски и решения вне канонов классической грамматики. Таким образом, в недрах грамматики зарождаются попытки дискурсивного подхода. В теории наблюдается выход из замкнутого круга: это движение от словарной данности (будь то слово в словаре, либо в учебнике по грамматике) к дискурсивной интерпретации. При этом неизбежность интерпретативного многообразия складывается как новая проблемная ситуация.

Как справедливо отмечал В. Г. Гак, лингвистика, как и всякая другая наука, имеет двоякую задачу: описание явлений, фактов языка и постижение сущности этих явлений, то есть, определение их значимости, их положения в системе языка, их природы и закономерностей их функционирования. Но путь от «видимых» явлений к «невидимой» сущности непрост: исследователи сталкиваются здесь с рядом факторов, которые осложняют поиски научного решения, делают научное осмысление не единственно возможным (Гак 1998).

Основные факторы, диктующие плюрализм интерпретации, делятся на две группы: *объективные*, касающиеся объекта исследования, или *внутренние* по отношению к объекту; *субъективные*, касающиеся самого исследователя, *внешние* по отношению к объекту лингвистического анализа.

Среди *объективных* факторов отмечаются: *недискретность*, континуальность многих языковых явлений; *асимметрия*, свойственная языковым знакам; *многоаспектность* языковых явлений.

Из *субъективных* факторов отмечаются следующие: *нежесткий, расплывчатый характер понятий*, которыми оперируют люди; избирательность субъекта познания по отношению к объекту, *пластичность человеческого мышления и восприятия*, тесно связанного с прагматизмом, с интересами и потребностями человека в момент речи.

Первая особенность мышления – расплывчатость понятий – соотносится нередко с первым объективным фактором – недискретностью, континуальным характером самих явлений, отображаемых мышлением. Вторая соотносится со вторым и третьим объективными факторами: многоаспектностью объекта и асимметрией языковых знаков.

Различные толкования подчеркивают какое-либо свойство языкового явления, способствуют формированию (дополнению, уточнению) знания о нем. При этом, как указывает В. Г. Гак, число разнообразных теоретических интерпретаций, касающихся определённого языкового явления, не бесконечно: оно определяется самой спецификой данного явления. Поэтому иногда решения дублируют друг друга, хотя авторы и прибегают к различным терминологическим обозначениям. В таких случаях и создается ситуация пересечения прямых в пространстве исследования дискурсивных явлений (Гак 1998).

2. Первый (экстенсивный) этап пересечения (ТРА / ТРЖ).

Рассмотрим первый пример пересечения, к примеру, двух прямых в виде двух теорий, названия которых напоминают параллельные конструкции – Теория речевых актов (ТРА) и Теория речевых жанров (ТРЖ). Основание к их различению – минимальная единица теории. В первом случае – речевое действие, а во втором – речевой жанр. И внутри каждой теории – проблема классификации. Вопрос: насколько она целесообразна? Вспомним проблему классификации в Теории речевых актов, которая в своем исходном классическом виде насчитывала минимум разновидностей речевых действий (Остин-Серль) (НЗЛ 1986). Популярная волна ТРА захлестнула лингвистов во второй половине XX века. Количество речевых актов в классификациях безудержно росло. Чем вызвано развитие теории в обозначенном направлении?

Бесконечное разнообразие, можно сказать, хаос структурного, семантического, функционального разнообразия речевых действий, толкующих нашу практическую деятельность, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Для упорядочивания массива речевого богатства полезным был бы дискурсивный словарь, к примеру, по типу интегрального описания языковых явлений в системной лексикографии (Апресян 1995). Зачатками таких словарей являются тематические разговорники, обусловленные необ-

ходимостью речевой практики. Возникает вопрос: совершенны ли они?

Другой вопрос – нужен ли системный дискурсивный словарь, и возможно ли его собрать? Если да, то, на наш взгляд, неизбежно возвращение к опыту Теории речевых актов. Что же касается определения классификационных потенциалов, то, как справедливо на это указывал Ю. С. Степанов (в предисловии к «КВАДРАТУРЕ СМЫСЛА», 1999), речь идёт не о классификациях, а о проблемной ситуации.

Вернемся к ТРА. Как известно, её подвела интерпретация, построенная на классическом синтаксическом принципе (констатив / утвердительное предложение, квеситив / вопросительное предложение, экспрессив / восклицательное предложение, директив / повелительное предложение). Языкоречевая асимметрия, отражающая отношение классических синтаксических структур – предложений и речевых действий – высказываний, озадачила лингвистов и благословила на изучение косвенных речевых действий и далее дискурса с учетом модели языкового синтеза, то есть, одновременной актуализации синтаксической, семантической и ситуационной моделей.

В этом смысле симптоматично развитие параллельной относительно ТРА другой теории – Теории речевых жанров, основанной на диалогической эстетике М. М. Бахтина. В связи с этим позволим себе лирическое отступление о том, что филологическое междисциплинарное знание становится областью изысканий ещё более изощрённой, чем методологическая философия. По сути, ТРА и ТРЖ являются продуктами философии языка.

Вернёмся к ТРЖ, в которой выдвигаемые виды речевых жанров оказались единицами разного порядка и объёма (ср. с опытом ТРА). Неопределённость парадигмы ТРЖ создаёт ситуацию, при которой «жанр речи» представляется в разнообразных формах и видах, как, например, ритуальный дискурс, болтовня, ссора, угроза, просьба, осуждение, обвинение, поздравление, притворство, компьютерная сетевая почта, порицание, дефинирование, фатика, эвристика, проработка (Подробнее об этом: ЖР 2002). Несложно увидеть, что некоторые из перечисленных «жанров речи» уже были исследованы и определены как речевые действия в ТРА (ср. угроза/менасив; просьба/реквестив; поздравления, комплимент/экспрессив).

3. Второй (интенсивный) этап пересечения (жанроведение / генристика). Как видим, РЖ может иметь оформление в виде дискурса с учетом культуры речи и этикета (например, ритуальный дискурс), а также представлять один из компонентов коммуникативной модели (фатика – ср. фатическая функция у Р. Якобсона), или отражать логический процесс, относящийся к области аргументации (например, дефинирование). В рамках РЖ даётся также описание национально-культурных сценариев, дискурсивных стилей (Жанры речи 2002).

В частности в ТРЖ, согласно М. М. Бахтину (1979), полагается, что речевой жанр организуется в триединстве темы, стиля и композиции (которые выполняют жанрообразующие функции). Закономерен следующий вопрос: чем же тогда отличается текст от жанра?

В самой теории тоже наблюдаем наличие пересекающихся прямых в виде двух направлений: генристика – (лингвистическое изучение РЖ) и жанроведение (прагматическое изучение РЖ). Попробуем прояснить проблемную ситуацию. Когда речь идет о лингвистическом описании, то мы учитываем семиотическое – трёхмерное – пространство, составной частью которого представляется прагматическое измерение. Таким образом, на наш взгляд, такого рода умозрения вносят путаницу в концептуальный аппарат лингвистики и осложняют дальнейшие изыскания. Так, например, В. В. Дементьев в целях преодоления некоторых несоответствий пытается свести воедино разделение направлений РЖ. Он говорит о коммуникативной генристике (Дементьев 2002).

4. Неизбежный характер параллелизма и пересечений. Неопределенность в методологических основаниях ведёт к неразберихе. В этой ситуации следует исходить из интегральности в междисциплинарной зоне, необходима координация взглядов. Данная стратегия позволит сократить количество недоразумений, параллельных интерпретаций, приводящих к бесконечным таксономиям.

В механизме «синергетический принцип + сторонний наблюдатель» процесс дискурсивной самоорганизации дополняется работой интерпретатора, его стремлением «поставить все точки над *i*», то есть, обеспечить процесс дефиниции. Обозначенный плюс (+) есть стык между антропоцентризмом и антропностью, смеща-

ющий акцент проблемной ситуации. Прагматизм был реакцией на крайний формализм. Реакцией на прагматизм стал позитивизм аналитической философии. Рационализм, оттеняющий крайний субъективизм, есть в некотором смысле выход из ряда «размножающихся множеств». Он сдерживает соблазн выявлять и описывать всё, что угодно, к примеру, в рамках речевого действия или речевого жанра, далее дискурса в различных разновидностях. Здесь уместно, на наш взгляд, привести мысль М. Пешё о понятии «идеалистический рационализм», в котором гармонично сочетаются логика и риторика: «Сочинение-интерпретация текста (*dissertation-explication de texte*) является школьной формой идеалистического рационализма» (Пешё 1999: 232).

5. Пересечение РЖ / Дискурс. В отношении понятий «речевой жанр» и «дискурс» также наблюдаются пересечения. К примеру, упомянутый ритуальный дискурс со своей жанровой спецификой. Само понятие речевого жанра не совсем определённо. РЖ рассматривается как переходное явление между «языком» и «речью». Считается, что жанр – это «единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым», РЖ находится на стыке между системой языка и её реальным исполнителем (Дементьев 2002). Однако чтобы построить новую теорию, недостаточно вводить понятие языкоречи. Идея витгенштейновского «употребления» (Витгенштейн 1985) недостаточна для отграничения и описания таких проблемных объектов, как речевой жанр (первичный, вторичный) и дискурс. Предварительное рассуждение может быть таким: первичный речевой жанр тяготеет к речевому акту, а вторичный – к дискурсу? К примеру, предложенный в теории ТРЖ речевой жанр «компьютерная сетевая почта» как вторичный РЖ может быть жанровой разновидностью дискурса, но как анализировать порицание? Это первичный РЖ. Но он может быть как речевым актом, так и может быть оформлен как художественный текст в результате бесконечной дискурсивной актуализации. Отношение *жанр / дискурс* логично представлено в концепции В. И. Карасика. Учёный справедливо полагает, что жанр – одна из составляющих дискурса. В целом толкование дискурса в его конститутивных признаках, подходах и измерениях дают исчерпывающее представление о дискурсе (см. Карасик 2002 и др.).

В связи с неоднозначностью исследуемых явлений, на наш взгляд, необходимо учитывать их амбивалентную сущность. По этому принципу нами было исследовано аргументирование: в узком смысле, процессуальном, мы его понимали как приведение доводов, аргументов, а в широком смысле, в онтологическом – говорили об аргументативности как о пропозициональной части высказывания, тем самым рассматривая его как принцип релевантности, посредством которого обосновывается всё, что угодно, поскольку всё обосновываемое имеет место (Фанян 2000).

6. Пересечение ТЕКСТ / ДИСКУРС. Что же касается проблемы дискурс-анализа, то и в данном случае речь идет о прямых, пересекающихся в проблемной ситуации. Дискурс-анализ, рожденный из проблем текста, предполагал прежде решение вопроса о соотношении «текст – дискурс». Радикальный подход предполагал их противопоставление, затем сопоставление, что затем привело к лояльному отношению к данным понятиям с допущением их синонимичности.

Допустим, что проблема может быть решена при обращении к этимологии данных понятий: дискурс (*discursus* – рассуждение); текст (*textum* – связь, соединение) (СИС 1987). Исконные значения данных слов не проливают свет на проблемную ситуацию. Первое понятие – *дискурс* – отсылает к движению, акцентируя функциональную сторону, второе – *текст* – к фактуре, которая может быть соотнесена как со структурой, так и с семантикой. Однако и то, и другое, то есть, рассуждение и связность наличны как в дискурсе, так и в тексте. Наилучшим толкованием отношений «текст – дискурс», на наш взгляд, представляется понимание амбивалентной сущности их различения в терминах «статика – динамика». Объяснение общих и дифференциальных признаков дискурса и текста требует тонкой философичности. В связи с этим лингвистическое описание текста в некотором смысле тяготеет к литературоведческому, и не случайно, поскольку принцип диалогичности, дискурсивности был выведен, как известно, на основе исследования эстетических воззрений (Бахтин 1963).

Амбивалентный, целостный характер отношений «текст – дискурс», на наш взгляд, удачно выражен в следующем подходе: в оппозицию текст – дискурс предлагается ввести еще одно понятие «дискурс I», процесс восприятия уже созданного текста в ряду

«дискурс – текст – дискурс I». Данная схема шутливо иллюстрируется примером о джинне из арабской сказки: Джинн до заточения (дискурс) – Джинн в кувшине (текст) – Джинн, выпущенный из кувшина (дискурс I) (Бурвикова 2000: 32).

7. Языковая игра как источник дискурсивной вариативности. Избирательность, прагматический характер процесса формирования понятий и наименований создают «анархию», преодоление которой возможно при помощи исчисления вариантов научных решений. Что же касается практической стороны вариативности, то здесь работает синергетический механизм. Один из хороших примеров из французского языка – вариативность порядка слов, возникающая из смены места прилагательного. Данное явление манифестирует отношения языка и речи на уровне небольшого дискурсивного образования в виде сочетания слов:

Lois iniques – несправедливые законы / *iniques lois* – безобразные законы;

Plaisir réel – реальное удовольствие / *réel plaisir* – истинное удовольствие;

Idée bizarre – странная мысль / *bizarre idée* – дикая мысль.

Языковая вариативность создает поле исследования языковой игры:

Une certaine compétence ne signifie pas une compétence certaine / Некоторая компетентность не означает несомненной компетентности;

Napoléon apporte la preuve qu'il n'est pas besoin d'être un homme grand pour devenir un grand homme / Пример Наполеона показывает, что не обязательно быть высоким мужчиной, чтобы стать великим человеком;

Le sale type était bien trop soigné pour paraître un type sale / Этот грязный тип был слишком холемым, чтобы выглядеть неряшливым человеком (Ажеж 2003).

С точки зрения теории, вариативность порядка слов – один из аспектов дискурс-анализа. К примеру, каждое из приведенных высказываний может представлять пищу для размышления, оформленного в виде эссе на философские темы по поводу компетентности, значимости, нравственности и т. п. (ср. с идеей М. Пешё о сочинении-интерпретации). А это – текст как результат дискурса.

8. Французская школа анализа дискурса / Диалогическая эстетика Бахтина. Разумеется, принцип жёсткого логического исчисления, как в структурной лингвистике, в сравнительной типологии и т. п., в дискурс-анализе немислим. Но если мы полагаем, что лингвистика должна стать точной наукой, несмотря на антропоцентризм, то систематизировать наши знания о языке и речи, необходимо.

Сложно «ставить точки над *i*» в проблеме систематизации междисциплинарного лингвистического знания. Разве что пофилософствовать вокруг того, что сделано выдающимися учёными. Здесь мы именно и переходим к выявлению пересечения прямых в дискурс-анализе. Первоначально мы полагали начать именно с этого вопроса. Но мысль пошла по другому пути. Речь идёт о «диалогической поэтике» М. Бахтина (1963) и французской школе социо-идеологического направления анализа дискурса («дискурсная / общественная / идеологическая формации» – от М. Фуко к П. Серио и др.) (Квадратура смысла 1999).

Важно понимание специфики предмета исследования – речь идет не столько о дискурсной формации, сколько о границах её образования. Она не является заданной, а формируется в процессе, который «насквозь пронизан угрозой смещения смысла» (П. Серио). Последнее положение позволяет расширить объяснительный потенциал (традиция М. Бахтина).

Возникает вопрос: каким концептуальным аппаратом при этом пользоваться? Ведь, помимо обсуждаемых направлений, в рамках которых, даже при наличии «диалога» идей, закономерно присутствует терминологическое несоответствие, сегодня наблюдается процесс растекания пределов теории и практики анализа дискурса, создающий проблемы в научной коммуникации.

Вернемся к понятию идеалистического рационализма, который, как считается, рождается на стыке логики и риторики. Но поскольку стыков не существует, то эмпирически полученное понятие идеалистического рационализма есть тот полезный продукт, который может стать отправным пунктом для дальнейших исследований. В данной области проблемная ситуация возникает и создается понятием креативности, которая широко исследовалась Э. В. Ильенковым (1999), Ю. М. Лотманом (Лотман 1996). На том же понятии акцентируется внимание и в рамках анализа дискурса. М. Пешё утверждает: «... концепция мысли как “творческой

деятельности” является спонтанным продолжением (в форме эстетической теории познания) идеализма, присущего форме-субъекту, начиная с того момента, когда “точка зрения создает объект”, любое понятие и любой концепт предстают как удобные фикции, “манеры говорения”, которые, множа фиктивные существа и возможные миры, оставляют в неопределённом положении независимое существование реального как внешнего по отношению к субъекту» (Пешё 1999: 273). Анализ дискурса позволяет расширить риторическую направленность, например, учётом адресата, который в рамках анализа дискурса разрастается до «говорящей интерсубъективности» (*une “intersubjectivé parlante”*), благодаря которой «каждый знает заранее то, что “другой” подумает и скажет... и не без основания, так как дискурс каждого воспроизводит дискурс другого...» (Пешё 1999: 276) (в данном месте анализ дискурса развивается в духе традиций М. М. Бахтина). М. Пешё останавливается на очень важном моменте – на том, что он называет лингвистическим воображаемым, нуждающимся в смысловом наполнении. На наш взгляд, это может быть тем удачным понятием, которое способно связать вместе вопросы, затрагиваемые отдельно в логике, риторике, анализе дискурса с проекцией на характер преподавания данных предметов.

Анализ дискурса, внося коррективы в теорию высказывания, расширяет свою сферу исследования, постулируя необходимость учета исторических фактов и положений, разрабатываемых психологией. Так, например, П. Серию отмечает: «Нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания, история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта» (Серию 1999: 16). В другой работе авторов той же школы анализа дискурса слышится справедливый упрек относительно имеющих ограничения в рамках данной школы. Так, Ж. Гийому и Д. Мальдидье полагают: «Смысл... создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершён. Смысл берёт свое начало в языке и архиве; он одновременно ограничен и открыт. Решая проблему смысла только по отношению к текстам, дискурсный анализ сделал её в некотором роде банальной. И в какой-то мере эта проблема потеряла – быть может, временно? – свою организующую роль в развитии анализа дискурса» (Гийому 1999: 133).

Подводя итог нашим размышлениям, отметим векторы взаимодействия традиции М. Бахтина и французской школы: одновременное восприятие «сказанного» и «говоримого» («интра- / интердискурс»; «полифоничность» и «неговоримое»); развитие понятий «язык», «культура», «архив» («прецедентность»; «пре-конструкт»).

Завершая наше рассуждение, попытаемся определиться с тем, как понимать проблемную ситуацию. В поисках предварительной дефиниции мы приходим к такому положению: проблемная ситуация, находящаяся в контексте общедисциплинарного знания, имеет такой объект и предмет изучения, при исследовании которых можно и нужно оперировать всем комплексом понятий современных подходов в лингвистике, обеспечивая возможность построения некоторой модели, которая способна, с одной стороны, вобрать явления и сущности реальной и воображаемой действительности, а с другой стороны, не препятствовать их стройной интерпретации. При этом мы не должны забывать о плюрализме мнений. Возможно, это звучит обобщённо, абстрактно, противоречиво. Есть, над чем работать...

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж, К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: УРСС, 2003. – 304 с.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 317 с.
4. Бурвикова, Н. Д. Прокрустово ложе текста и метаморфозы дискурса // Слово и текст в диалоге культур: Юбилейный сборник. – М.: МАПРЯЛ, 2000. – С. 27–34.
5. Витгенштейн, Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз. – М.: Прогресс, 1985. – С. 79–128.
6. Гак, В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
7. Гийому, Ж. О новых приемах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийому, Д. Мальдидье // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124–136.

8. Дементьев, В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: Сб. науч. тр. Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 2002. – С. 18–40.
9. ЖР – Жанры речи: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 2002. Вып. 3. – 318 с.
10. Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999.
11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
13. НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
14. Пешё, М. Прописные истины // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 225–290.
15. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.
16. СИС – Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1987. – 608 с.
17. Степанов, Ю. С. Париж – Москва, весной и утром... Предисловие // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 3–11.
18. Фанян, Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 354 с.
19. Фанян, Н. Ю. Философский аспект метакоммуникативной деятельности (аналитическая философия) // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 35–60.

Нелли Юрьевна Фанян
Кубанский государственный университет
пос. Курортный, 98, 350061 Краснодар
Российская Федерация
nellyfanian@mail.ru

Nelly Y. Fanyan
Kuban State University
pos. Kurortny 98, 350061, Krasnodar
Russian Federation
phone: +7 (861) 219 32 00